

Е Л Е Н А
ДОРОШ

КРАСНОЕ
СОЛНЦЕ ВАЛЬКИРИИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *О. Фатиховой*

Дорош, Елена.
Д69 Красное солнце валькирии / Елена Дорош. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-239842-1

Переехав после развода с мужем в старый питерский дом, Софья Бриль не предполагала, что станет свидетелем убийства. А потом ей придется разгадывать тайну, которая более ста лет хранится спрятанная в жестяной коробке и завернутая в носовой платок с вышитыми инициалами «Л.Р.». В пылу поисков Софья зашла слишком далеко, и все могло бы кончиться плачевно, если бы рядом не оказался мужчина, всегда готовый прийти на помощь, спасти, заслонить собой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дорош Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-239842-1

ПОСЛЕДНИЙ ВДОХ

Ночью ей стало хуже. Начался настоящий кошмар. Ее трясло даже под двумя байковыми одеялами и шерстяным пледом, который передал Карл, а бредовые видения, наоборот, были жаркими, душными.

Они с братом любили сидеть у камина. Там, в Люблине. За окном бушует метель, а им с Игорем жарко. Они смотрят на гуляющий по сухим дровам огонь и мечтают стать пиратами на корабле с черным флагом.

Душно и дымно было в «Привале комедиантов» на Марсовом. Тогда она впервые увидела его, такого странного, уродливого... любимого... Он звал ее Лери и обожал ее волосы. Ионический завиток. Ее первая ночь с Гафизом. Горячая, безумная. Она была готова на все, и даже то, что он привел ее в бордель на Гороховой, ничего не меняло. Она пылала от страсти и никогда после

ничего подобного не испытывала. Если только тогда, в Кабуле...

Продолжая метаться, она облизала пересохшие губы. В ту ночь матросы взяли ее на катер-истребитель и поперли прямо под шквальный огонь белочехов. Хотели испытать, как поведет себя баба. Как же жарко ей было тогда! Как весело! Когда очумевшие от кинжального огня матросы повернули назад, она кричала: «Почему поворачиваете? Рано! Надо еще! Вперед!»

Она так рвалась в бой, что однажды Ильину пришлось увести с капитанского мостика и запереть в каюте. Она бесилась, рвалась. Тогда на Волге было очень жарко, палуба буквально плавилась от палящего солнца.

Бритая горячая голова мотнулась на мокрой от пота подушке. Как холодно! Как жарко!

Какие смешные лица были у афганских крестьян, когда они смотрели на нее, скачущую верхом под палящим солнцем с открытым лицом и в мужском костюме. А она смеялась и вместе со всеми пела песни под гармошку. А потом бежала обратно в Россию по горной Гератской дороге и уже не смеялась. Был май, но палило нещадно. И в поезде Ташкент — Москва тоже было душно и жарко. Окна не открывались, а солнце лупило вовсю.

Через несколько месяцев были баррикады в Гамбурге, и ей снова стало весело и жарко. Она вся пылала от бьющего в мозг адрена-

лина! Адреналин! Ей нравилось это новомодное словечко.

Она облизнула стянутые жаром губы и попыталась открыть глаза.

В Кабуле было пекло. Всегда и всюду. Порой ей казалось, что она жарится на вертеле, как индюшка. Даже бассейн нагревался за день так, что вода едва не кипела. Они с принцем дожидались ночи и входили в нее голыми. Но вода не охлаждала, а только разжигала, распяляла, торопила...

Боже, как хочется пить. Хоть глоток воды, прошу... Хоть каплю...

Они со Львом любили отпаиваться горячим чаем у него в вагоне. Кипяток обжигал губы, и они распухали. Он целовал ее горячие уста и улыбался хитро, по-иезуитски. Карл чем-то похож на него. Та же кривая ухмылка, тот же огонь в глазах.

Солнце. Красное и раскаленное. Как же безжалостно ты сжигаешь меня.

— Пей, — прошептал кто-то у нее над головой, и рта коснулась ложка.

Она глотнула. Еще раз. Еще.

Ей все же удалось открыть глаза. В темноте палаты к ней склонился кто-то черный в белой марлевой маске. Ангел? Демон?

— Где он? — спросил незнакомец и наклонился ниже.

Она вгляделась в чужое лицо. Какие безнадежно-черные у него глаза. Как южное небо, в кото-

ром погасли все звезды. Нет, это не ангел. Это дьявол явился по ее душу.

— Ты же знаешь, я все равно его найду. Скажи сама, и останешься жива.

Она мотнула головой.

— Зря. Ты ведь еще так молода, так прекрасна... Ты рождена для счастья...

Она зажмурилась. Изыди! Пропади! Отстань! Не для того она так долго хранила... Она не может сдаться! Только не она! Валькирия! Муза революции! Богиня!

Она хотела плюнуть ему в лицо, но слюны не было, а перед глазами все быстрее крутилось красное обжигающее солнце.

Он наклонился, всматриваясь, и... как ей показалось... вздохнул.

В этот миг на лицо опустилось что-то тяжелое. Ей показалось, что она изо всех сил забилась, пытаясь освободиться, но на самом деле слабо дернулась и смогла сделать лишь один вдох.

Последний.

Красное солнце погасло, и она уже не слышала, как, уходя, кто-то негромко сказал по-английски:

— Никогда не пейте сырого молока.

СОФЬЯ БРИЛЬ В СВОБОДНОМ ПОЛЕТЕ

Софья уже открыла дверь квартиры и даже ногу над порогом занесла, как вдруг боковым зрением увидела в коридоре что-то странное, а именно: непорядок в стройных рядах соседских банок.

Она вернулась, откинула половинку коврика с оленями, укрывавшего стратегические запасы, и уставилась на пустое место между трехлитровками с помидорами.

Это еще что такое? Вчера никакого провиса в коврике не было. Она бы заметила. Значит, банка исчезла сегодня. Каким, интересно, образом это могло случиться? Соседи? Они никак не могли вернуться. Им еще недели три у дочки в Саратове торчать. Ключи оставили ей, чтобы цветы поливала. Третьего ключа от общего коридорчика на две квартиры ни у кого нет.

На всякий случай она позвонила в соседнюю дверь. Разумеется, тишина.

Тогда как?

Софья немного потопталась в коридоре, усталанном второй половинкой оленей, и пошла к себе. Пока раздевалась и мылась, продолжала перебирать варианты, но потом принялась готовить ужин, и версии пропажи соседских помидоров вытеснились запахами мяса и кофе.

Как же она сегодня устала! При таком уровне выжатости зарок не есть вечером мясо и не пить кофе можно смело послать к черту! Или не очень смело, но все же послать. Она покосилась на выпирающий, хотя и не слишком сильно, животик. Последний год жизни с Кириллом был таким токсичным, что заставил ее постоянно жевать сладкое. И вообще — постоянно жевать! Заедание стресса закончилось животом и пышными боками, а грудь приняла такой героический вид, что каждый раз, когда Софья видела ее в зеркале, у нее случался культурный шок. Конечно, спокойная жизнь в благословенном одиночестве после развода дала возможность немного прийти в себя и сбросить лишнее. Ну если и не все, то многое. Стоит ли начинать снова нажираться по вечерам?

Софья мельком взглянула на свое отражение в кухонном окне и дернула плечом.

Подумаешь! Ничего страшного не наблюдается! Завтра музей закрыт, экскурсий не будет, она вернется пораньше и приготовит овощи на пару и салатик из морской капусты. А сегодня спасти

ее жизнь могут только отбивнушка и большущая кружка очень сладкого кофе! Глюкозу восстановить!

Софья перевернула на сковородке мясо и свободной рукой почесала голую ногу. До чего же здорово жить одной! Можно даже халат не надевать. Трусы и лифчик вполне сойдут за домашнюю одежду. Да, в принципе, можно обойтись одними трусами. Все равно разглядывать некому.

Кирилл любил, чтобы дома она ходила в нарядном длинном халате с запахом, на манер японского кимоно, а спала в пеньюаре. Непременно в пеньюаре!

Софья усмехнулась и посолила мясо. Еще три минуты, и ее ждет несусветное блаженство. Можно будет даже почавкать. Так мясо намного вкуснее.

Кирилл требовал, чтобы стол к ужину был сервирован по полной программе: с ножами для салата и мяса, салфетками, засунутыми в серебряные колечки, и прочими изысками. Это было не просто утомительно. Это бесило.

Теперь можно смело обойтись без колечек, резать мясо кухонным ножом и есть картошку прямо со сковородки. Красота!

Свинячить она, конечно, не будет, но горчицу зачерпнет вилкой, а не специальной ложечкой. Все равно делиться не с кем.

Старую-престарую однушку на Моховой, совсем недалеко от Фонтанки, доставшуюся ей после развода, она полюбила сразу. Во-первых, здорово, что ее не выселили в коммуналку, а во-вторых, это жилье гораздо ближе к работе, чем их дом на берегу Финского залива, от которого до музея три дня лесом, а потом на собаках. Водить машину она не умела и ездила на общественном транспорте. Это было что-то! Кстати, Кирилл никогда не призывал ее оставить работу. Его все устраивало: и общественный транспорт пять дней в неделю, и сумки с продуктами, которые приходилось от остановки таскать в руках, и то, что после ужина она просто отрубалась и ничего не требовала — ни исполнения супружеского долга, ни даже разговоров.

Неужели он знал, что надолго она в его жизни не задержится?

А впрочем, какая теперь разница? Ведь не он ее выгнал. Она сама от него ушла. Да какое ушла! Бежала, как Есенин за комсомолом, то есть «здрав штаны»!

Софья выложила мясо на тарелку, выгрузила из баночки кучку оливок, нарезала помидоры и присыпала всю эту красоту кинзой пополам с укропом.

Боже! Счастье есть!

Оттопыриться по полной, однако, не удалось. Жуткий воющий звук, внезапно возникший со

стороны, где стена кухни соседствовала с квартирой третьего подъезда, заставил ее вздрогнуть и судорожно проглотить недожеванный кусок.

Это еще что? Перфоратор? Дрель? В восемь вечера? Они что там, очумели? Хотя, наверное, пять минут, и все стихнет.

Она решила проявить кротость и смирение, но когда пять минут выросли до сорока, а дикий вой за стеной достиг апогея, решительно оделась и выскочила на улицу. Октябрь нынче выдался на редкость теплым и сухим. Софья с удовольствием вдохнула вечерний воздух и неторопливо прошла до соседнего парадного, пытаясь по пути вычислить номер квартиры передовика производства, затеявшего ремонт на ночь глядя. Интересно, остальные соседи не возмущаются?

Звонить в домофон не пришлось, дверь как раз открывала старушка. Софья помогла ей втащить кошелку на колесиках и прошмыгнула следом. Теперь на четвертый этаж, и побольше уверенности в своей правоте!

Она даже речь заготовила. Небольшую, но прочувствованную.

Однако блеснуть красноречием не удалось. Она нажимала на звонок снова и снова, но, видимо, за визгом аппарата слабые трели уха мастера не достигали. Она уже отчаялась, когда вой вдруг прекратился, а через секунду дверь неожиданно распахнулась, и ее взору явился... Дед Мороз. Голубая шуба со звездами из фольги, шапка

с оторочкой из белого меха. Вид вполне классический. Из странного были только солдатский ремень, туго опоясывавший крепкую фигуру, и балаклава с прорезями для глаз прямо под красной шапкой.

Выглядел дедушка до того комично, что среагировать адекватно Софья не смогла. Забыв все приготовленные фразы, она покатила со смеху. Дедушка постоял немного, глядя на нее, и присоединился.

— Ой, не могу! Ой, помогите! — причитала она, приседая от хохота и держась за живот. — Это же и есть «Здравствуй, жопа, новый год»! В чистом виде!

Она поприседала еще немного, но потом все же вспомнила, зачем пришла, и попыталась придать лицу суровое выражение.

— Простите, дедушка, но это возмутительно! Просто невозможно!

Получилось не очень убедительно, губы так и норовили растянуться до ушей, но дед, кажется, понял, в чем дело, кивнул и стянул балаклаву.

— Вы, наверное, из-за шума ругаться пришли? — спросил оказавшийся под ней мужик.

Софья взглянула и на мгновение утратила дар речи. Ну и дедушки нынче пошли! Это же просто...

Додумать важную мысль она не успела.

— Вы простите меня, пожалуйста, — торопливо начал сосед. — Я понимаю, но

у меня всего три дня на ремонт. Послезавтра в командировку уезжаю на три недели, и работа опять застопорится. Я и так уже месяц въехать не могу. Пытаюсь привести жилье в божеский вид, иначе зимовать придется в общежитии.

Все это мужик проговорил проникновенным голосом, еще и руки к груди прижал для убедительности.

— Жилье совершенно убитое. Я пытаюсь хотя бы ванную и кухню сделать пригодными. Вы же видите!

Он отступил на шаг назад, открывая ужасающий по мерзости запустения вид.

— А почему бригаду не наймете, раз сами не можете? — поинтересовалась Софья, вытягивая шею в попытке разглядеть квартиру. — Это же элементарно.

— Нужно время, а у меня его нет. К тому же бригада будет шуметь гораздо сильнее. Вы не находите?

С этими словами он заглянул ей в лицо. Софья мгновенно почувствовала, что шея начинает краснеть. Она всегда краснела с шеи. Сейчас краска поднимется и перекинется на лицо. Вот это будет настоящий позор! Бабе уже под сорок, а она умудряется румянцем заливаться, как девочка на выданье. Да еще и перед незнакомым мужиком! Что он о ней подумает!

А мужик в это время думал, как его угораздило явиться в срамном виде перед такой женщиной. Это же уму непостижимо! Не будешь ведь объяснять, что пригодной для ремонтных работ одежды у него нет, нацепил то, что осталось от прежних жильцов, ну а красную шапку надел... для целостности образа. Он вообще не ожидал, что дело настолько дрянь. Хотел заселиться, и все. Теперь, как пить дать, завязнет на всю зиму. Или придется смириться с вывороченной ванной и ржавым унитазом.

— Меня Софья Павловна зовут, — неожиданно произнесла женщина и протянула руку.

— Иван Сергеевич, — ответил он, суетливо вытирая руку о голубую шубу.

— Как Тургенева?

— А вас как девицу Фамусову?

Божечки! Да он из образованных! Это ж дико сексуально!

Софья уже было открыла рот, чтобы продолжить увлекательную историко-литературную викторину, но тут же одернула себя и сделала неприступное лицо. Флирт в данном контексте неуместен, поэтому не стоит и начинать.

— Ну и что нам с вами делать, Иван Сергеевич?

— А какие варианты? — поинтересовался он.

— Ну... Можно попробовать помочь с мастерами.

— Вы в строительной фирме работаете?

— Нет, но там, где я работаю, все время что-нибудь ремонтируют. Могут подсказать варианты. Моя жизнь станет абсолютно невыносимой, понимаю, зато закончится все гораздо быстрее.

— Даже не знаю.

— У вас с деньгами проблемы?

— Да, собственно, нет. Я собирался машину новую ку... то есть... деньги есть, не волнуйтесь. Мне просто неудобно, что выгляжу перед вами совершенным неумехой. Не в состоянии решить проблему.

Ого! Его волнует, как он перед ней выглядит? Это хорошо. Для начала. Впрочем, надо выяснить еще кое-что.

— За три дня я, возможно, не успею. Если вы не против, дайте контакты родных. Жены, например. Я ей все передам.

— Никому ничего передавать не надо. Я сам буду решать. Сейчас напишу вам телефон, подождите.

Мужик кинулся куда-то в глубь квартиры, а Софья Павловна осталась размышлять, какая она все-таки дура. Еще вчера собиралась завязать с мужиками до лучших времен, годков так эдак на пять-шесть, пока не оклемается от Кирилла, а стоило увидеть шикарного мужика, как тут же встала в стойку и закрутила хвостом. Ну что ты будешь делать! Кстати, вопрос с женой остался от-

крытым. Да и к лучшему! Будем исходить из того, что Иван Сергеевич женат и как раз готовит новое семейное гнездышко, пока благоверная ждет в старом. Уф! Сразу легче стало. Их общение будет кратковременным и, безусловно, деловым.

— Вот, пожалуйста, Софья Павловна.

Иван Сергеевич протянул ей бумажку. Смешной какой. Не проще было набрать ее номер, чтобы телефон высветился на экране?

— Отлично. Тогда позвольте попросить об ответной любезности, — начала она.

— Все. Работать прекращаю до вашего особого распоряжения.

Ишь ты, понятливый.

— Завтра мне понадобятся размеры квартиры и план помещений. Чтобы разговаривать конкретно, понимаете?

— Да, конечно. Все сделаю, — кивнул он и добавил: — Даже не знаю, как вас благодарить. Это просто чудо, что вы появились.

Даже чудо? Что ж, это не может не радовать.

С тонкой улыбкой на устах, которая могла означать все что угодно, Софья любезно расспросилась с соседом и плавной походкой отправилась восвояси.

Ну и что такого? Легонький безопасный флирт еще никому не навредил.

Жена может не беспокоиться.

Уже дома, распиливая кухонным ножом разогретое мясо, она вдруг спросила себя: «А какого

черта я, собственно, предложила ему помощь?
С чего это меня так разобрало?»

Задумчиво вымыв посуду, она отправилась спать, все еще пребывая в недоумении.

Прав был Талейран. Никогда не следуйте первому побуждению, потому что оно, скорее всего, благородное.

ЧЕМ ЧРЕВАТ АЛЬТРУИЗМ

К ее девичьей чести, на следующий день она вспомнила о своем обещании не сразу.

У ее кабинета переминалась с ноги на ногу Ира Соловьева с папкой документов и, увидев начальницу, с ходу затараторила:

— Софья Пална, это кошмар просто, какой договор прислали эти реставраторы! Как будто на старославянском реестр работ написали. Я вообще ничего понять не могу! Слов таких никогда не слышала!

Софья высоко подняла бровь и посмотрела на Иру взглядом, который ясно говорил, что попытка была жалкой и не засчитана.

— Ну правда! Не вру! Посмотрите? — заканючила та, сморщив губки.

— Нет, Ирина Вениаминовна, не посмотрю. Начальству поддела не показывают.

— Ну Софья Пална...

— Нет! И по пути на свое рабочее место позови ко мне экономиста. Она еще вчера должна была калькуляцию по установке светильников принести.

После такого начала рабочего дня сосед наконец вылетел у нее из головы. Она вспомнила о данном ему обещании лишь к обеду и позвонила в фирму, с которой сотрудничал музей.

— В принципе, можно, — выслушав ее, произнес Игорь Колобов, почетный строитель и просто замечательный человек. — А ты в курсе, что этот ваш дом — памятник архитектуры и многие виды работ там запрещены?

— Капиталка хозяину не нужна. Он просто хочет квартиру в божеский вид привести, чтобы жить было можно.

— Хорошо. Я, конечно, предвижу, что проблем мы огребем, мама не горюй, но что не сделаешь по просьбе красивой женщины. Позвоню, когда освобожусь, но ты не расслабляйся. За тобой должок будет.

Колобов слов на ветер не бросал, поэтому на следующий день к Ивану Сергеевичу наведались специалисты, а еще через пять, уже после его отъезда, к работе приступила бригада ремонтников.

За это время Софья дважды разговаривала с соседом по телефону, и все. Причина альтруи-

стического порыва по-прежнему была ей неясна, но думать об этом стало некогда. Захлестнули дела и заботы.

Время от времени она интересовалась у Игоря, как идут дела, но больше для проформы. Все-таки она была инициатором и все такое. Сосед с его потешным нарядом тоже постепенно стал стираться из памяти, поэтому она даже не сетовала на то, что он ни разу ей не позвонил.

А, собственно, зачем?

Она и так была в курсе всего, что происходит в квартире. Стена-то общая.

Сначала шум, как и водится, был невыносимым, но почти ее не тревожил — она приходила домой примерно за час до того, как мастера расходились. Потом начались шарканье и скрежетание, из которых она заключила, что наступило время шпаклевки стен, а затем по звуку определила следующую стадию — укладывание полов.

Хорошо работают ребята! Так, смотришь, и сделают из говна конфетку!

Она даже немножко гордилась собой. Ведь это с ее легкой руки сосед получит первоклассный ремонт.

Ей казалось, что все близится к завершению, и она уже прикидывала, когда можно будет попроситься на визит. Не к соседу, разумеется. По словам Игоря, тот должен вернуться лишь через неделю. Софья подозревала, что Колобов сам захочет похвастаться результатом работы, и за-